

Джонатан Троппер
Дальше живите сами

Jonathan Tropper
This Is Where
I Leave You

Джонатан Троппер

Дальше живите сами

Перевод с английского
Ольги Варшавер

издательство **аст**
москва

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7С0Е)-44

Т70

This edition is published by arrangement with Writers House and Synopsis Literary Agency

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Троппер, Дж.

Т70 **Дальше живите сами** : роман / ДЖОНАТАН ТРОППЕР; пер. с англ. О.ВАРШАВЕР — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2015. — 480 с.

ISBN 978-5-17-091096-0

Известие о смерти отца застаёт Джэда Фоксмана в тяжелый момент: он потерял работу и переживает измену жены. Теперь ему предстоит еще одно испытание — провести траурную неделю под одной крышей со своим любящим еврейским семейством. То, что Фоксманы собрались по печальному поводу, не мешает им упражняться в остроумии, попадать в нелепейшие ситуации и выяснять отношения. За семь дней в родительском доме герою предстоит серьезно измениться и открыть много нового в себе и близких. Впрочем, обо всех самых драматичных переживаниях — даже о смерти — автору удастся говорить остроумно, легко, с неизменной иронией, а обо всех персонажах, как бы порой сомнительно они себя ни вели, — с теплотой и симпатией.

“Дальше живите сами” — пятый роман Джонатана Троппера — уже более пяти лет остается бестселлером. В 2014 году на экраны вышла его киноверсия, где роль сексуальной матери семейства сыграла Джейн Фонда.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7С0Е)-44

ISBN 978-5-17-091096-0

© Jonathan Tropper 2009

© О.Варшавер, перевод на русский язык, 2010

© А.Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015

© ООО “Издательство АСТ”, 2015

Издательство CORPUS ®

Маме и тате

Глава 1

— Папа умер, — сообщает Венди походя. Словно такое случилось много раз, чуть ли не каждый день. Венди спокойна, как удав. Это жутко раздражает, особенно в трагические минуты. — Скончался два часа назад.

— Мама держится?

— Ты что, маму не знаешь? Советовалась со мной, сколько дать на чай полицейскому, который пришел составлять протокол.

Я невольно улыбаюсь, хотя меня, конечно, бесит неспособность Фоксманов выражать эмоции в переломные моменты жизни — патент можем брать на это дело, ей-богу. Любое событие, требующее мало-мальской искренности, в нашей семейке мгновенно принижается или передергивается. Мы подкалываем и даже оскорбляем друг друга на днях рождения и свадьбах, в радости и в болезни. Теперь вот умер отец, а Венди язвит. Что ж, отцу поделом, по-

скольку от него-то мы и унаследовали пристрастие к иронии, двусмысленности и подавлению любых чувств.

— Но это не самое худшее, — произносит Венди.

— Не худшее? Господи, Венди! Что ты несешь?

— Ну ладно, оговорилась.

— Ничего себе оговорочка.

— Он просит, чтобы мы отсидели шиву.

— Кто просит?

— А о ком мы говорим? О папе! Так папа просит, чтобы мы отсидели шиву.

— Папа умер.

Венди вздыхает, давая понять, как мучительно для нее пробиваться через непроходимую чащу моей тупости.

— Насчет шивы он прав, — продолжает она, — сейчас самый подходящий момент.

— Но папа атеист.

— Был атеист.

— Ты хочешь сказать, что он уверовал накануне смерти?

— Нет, я хочу сказать, что он умер, и говорить о нем надо в прошедшем времени.

Если этот разговор кажется беседой двух бессердечных сволочей, так это потому, что нас такими воспитали. На самом деле мы давно горюем, то сильнее, то тише, каждый по-своему; этот траур длится уже года полтора — с тех пор как отцу поставили диагноз. До этого его мучили боли в животе, но все просьбы

матери сходить к врачу он пропускал мимо ушей, только все увеличивал дозы антацидов, которые и без того сосал всю жизнь, как леденцы, по любому поводу. Где бы он ни был, ковры и полы всегда оказывались усеяны блестящими обертками и напоминали мокрый от дождя асфальт. А потом в стуле у него появилась кровь.

— Твой отец недомогает, — обиняками, как всегда, сказала мама по телефону, а где-то вдалеке послышался ворчливый голос отца:

— Кровью сру.

За пятнадцать лет, что я не живу дома, он ни разу не взял трубку. Говорила всегда мама, а папа время от времени вставлял комментарии. Так было не только по телефону. Под прожекторами, на сцене, всегда мать. Женившись на ней, отец навсегда обрек себя на роли второго плана.

Опухоли на томограмме кустились по всему периметру его черной, как угольная пустыня, двенадцатиперстной кишки, подтверждая легендарный отцовский стоицизм: оказалось, содовыми таблетками он лечил метастазирующий по всей брюшной полости рак. Целый год. Потом, само собой, начались операции, облучение, а напоследок — уже от отчаяния — сеансы химиотерапии, призванные скукожить опухоли. Но они вместо этого скукожили самого папу: его некогда широкие плечи торчали, точно костистые шишечки, обтянутые дряблой кожей. Следом сморщились мышцы, перетерлись сухожилия, все тело превратилось в сгусток нестер-

пимой боли, и эта боль потихоньку унесла его в кому, из которой — мы это знали — ему уже не суждено будет вернуться. Да и зачем возвращаться, если ты болен раком? Чтобы, корчась от боли и от вращения, стать свидетелем собственного конца? Ему понадобилось четыре месяца, чтобы умереть, — на три больше, чем предсказывали онкологи. “Ваш папа — борец”, — говорили врачи, когда мы приходили его навестить, но они сильно лукавили, потому что отец был уже в полном нокауте. Оставайся он в сознании, наверняка бы сердился, что ему никак не удастся сдохнуть, хотя дело вроде бы незатейливое. В Бога он не верил, а жизнь прожил под девизом “Сри или слезь с толчка”.

Короче, смерть отца — уже не событие, а лишь финал, точка в череде печальных событий.

— Похороны завтра утром, — говорит Венди. — Я лечу сегодня, буду к вечеру, с детьми. У Барри сейчас важная встреча в Сан-Франциско, он прилетит последним рейсом.

Барри, муж Венди, — управляющий активами в инвестиционном фонде. Похоже, ему платят за то, что он мотается по миру на частных самолетах и проигрывает в гольф всяким богатеям, которым могут понадобиться деньги. Несколько лет назад его перевели в офис на западное побережье, и семья переехала в Лос-Анджелес, что само по себе бессмысленно, потому что Барри все равно постоянно в разъездах, а Венди, несомненно, предпочла бы жить на востоке страны. Здесь ее распухшие от беременностей щиколотки

и постоянный послеродовой синдром не так явственны, поскольку вокруг нет кинозвезд. Впрочем, за неудобства она получает очень и очень неплохую компенсацию.

— Так ты летишь с детьми?

— Я бы с радостью не тащила всю ораву, поверь. Но оставить их с нянькой на целых семь дней — все-таки слишком.

Орава — это шестилетний Райан и двухлетний Коул, белобрысые розовощекие херувимы, которым удастся разнести любое помещение за две минуты, и семимесячная девочка Серена.

— На семь дней? Почему на семь?

— Шиву сидят семь дней.

— Мы что, правда будем сидеть шиву?

— Это его предсмертное желание, — отвечает Венди, и я, кажется, наконец улавливаю в ее голосе скорбную ноту.

— А Пол согласен?

— Пол мне об этом и сообщил.

— И как он это сообщил?

— Сказал, что папа хочет, чтобы мы отсидели шиву.

Пол — мой старший брат. Он старше меня на год и четыре месяца. Мама всегда уверяла, что родила меня не по ошибке, а намеренно забеременела через семь месяцев после рождения Пола. Но я этим рассказам никогда не верил, особенно после того как отец, надравшись однажды в пятницу вечером персиковым шнапсом, проговорился, что в прежние времена считалось, будто женщина не мо-

жет залететь, пока кормит грудью. Что до нас с Полом, мы вполне ладим, если держимся друг от друга подальше.

— А Филиппу кто-нибудь позвонил? — спрашиваю я.

— Я оставила сообщения по всем последним номерам, которые у меня имеются. Впрочем, не факт, что он их вообще прослушивает. А также — что не сидит в тюрьме, не обкурился и не валяется в сточной канаве. Короче, может, он и приедет. Слабый шанс есть.

Филипп — наш младший брат, на девять лет моложе меня. Логика, с которой родители производили нас на свет, воистину непостижима. Сначала Венди, Пол и я — тут предки уложились за четыре года, а потом, спустя почти десять лет, — Филипп, вроде неуклюжего заключительного аккорда. Этаким Пол Маккартни семейства Фоксманов: красавчик не в пример остальным, на фотографиях вечно смотрит не в ту сторону, а частые слухи о его смерти всегда оказываются несколько преувеличенными. В детстве его то баловали, то вообще не замечали, и вполне возможно, что это сказалось на его характере роковым образом. Филипп вырос безнадёжно испорченным человеком. Сейчас он живет на Манхэттене, и там днем с огнем не сыщешь травку, которую он еще не попробовал, или модель, которую он не успел поиметь. Иногда братик исчезает с радаров на много месяцев, а потом вдруг,

без предупреждения, заявляется к тебе в дом на ужин и за столом сообщает — или даже забывает сообщить, — что был в тюрьме или на Тибете или окончательно порвал с какой-то якобы известной актрисой. Я не видел Филиппа уже больше года.

— Надеюсь, он приедет, — говорю я. — Он сам ужасно расстроится, если не успеет.

— Кстати, раз уж зашла речь о младших братьях-неудачниках... Как развивается твоя греческая трагедия?

Венди намеренно бестактна, и это бывает порой забавно, даже очаровательно, но она с легкостью, сама того не замечая, преступает грань между грубоватой шуткой и жестокостью. Обычно я отбиваюсь довольно умело, но последние несколько месяцев изматывали меня вконец, и на достойную оборону сил уже нет.

— Мне пора, — говорю я, отчаянно пытаюсь скрыть, что моя жизнь разбита вдребезги.

— Господи, Джд, ты обиделся? Но мне же не все равно!

— Спасибо за участие.

— Ага, и тебе слова не скажи, все в штыки! Мне этого с Барри хватает.

— Короче — скоро увидимся.

— Ладно, не хочешь — не надо, — цедит она с отращением. — До свиданья.

Я жду, но коротких гудков все нет.

— Ты еще тут? — наконец спрашивает она.

ДЖОНАТАН ТРОППЕР ДАЛЬШЕ ЖИВИТЕ САМИ

— Нет. — Я вешаю трубку и представляю, как она шмякает телефон об стол и матерится, матерится без остановки.

Среда